

*мороз прижал, далеко шапка отлетела» /А. Твардовский/, «Зима подходит к середине, Дороги мокнут, с крыши течет И солнце греется на льдине» /Б. Пастернак/, «Бывало, лишь кивнет через плечо нам Зима... А день звенит сосульками у стрех» /Н. Рыленков/, «А когда вслед за оттепелью ударит мороз, на снегу образуется твердая корочка, которая называется **настом**» /В. Архангельский/;*

3) названий характерных для зимнего периода болезней, вызванных низкой температурой воздуха, – *обморожение* и *простуда*.

Значительная часть рефлексем АСГ_{II} связана ассоциативно-семантической связью с кауземой *снег*, то есть в их семантической структуре сема 'снег' занимает периферийное положение, а сами они представляют собой лексическую экспликацию соответствующих периферийных сем в значении слова *снег*. Это:

1) названия скоплений снега – *сугроб*, *заструга* (*заструг*), *занос*, *перемет*: «Кто-то с полночи нагреб На проталину **сугроб**, Над землею разомлелой Пронесась **зимой** белой» /Вяч. Иванов/, «**Зимой** живым заслоном встанут навстречу снежным **заносам** молодые ели» /В. Архангельский/;

2) названия последствий негативного воздействия снега на окружающую среду – *снеголом*, *снеговал*;

3) названия способов предотвращения проблем, возникающих зимой при передвижении – *снегозащита*, *снегоуборка*;

4) названия технических приспособлений, используемых для уборки снега – *снегоуборщик*, *снегопогрузчик*, *снегоочиститель*: «**Зимой** метели нередко заносят рельсы... На помощь им [людям] приходят **снегоочистители**, которые, как плугом, валят на сторону высокие сугробы, очищая рельсы» /В. Архангельский/;

5) особые названия зимних дорог – *первозимье*, *первопуток*, *зимник*: «В нашу прозу с ее безобразьем С октября забредает **зима**... Еще *сдутан* и свеж *первопуток*...» /Б. Пастернак/;

6) названия предметов, предназначенных для передвижения по снегу – *сани*, *санки*, *салазки*, *дровни*, *лыжи*, *снегоход* и др.: «Суровую **зимой** я более доволен... Как легкий бег *саней* с подругой *быстр* и *волен*» /А. Пушкин/, «Шум нескончаемых вороньих дряг. Потом – **зима**, узорчатые *санки*...», «**Зима!**.. Крестьянин, торжествуя, На *дровнях* обновляет путь...» /А. Пушкин/, «**Зимой** ходим на *лыжах* в знакомый лес» /И. Соколов-Микитов/, *Милый, милый Киев!*.. Как я люблю твои откосы *днепровские!* **Зимой** мы катались там на *лыжах*...» /В. Некрасов/;

6) названия предметов, сделанных человеком из снега – *снежок*, *баба*, *снеговик*, *снегурочка*: «Легли на *снежок* непрямый Прозрачные тени **зимы**. **Снегурочку** лепят ребята...» /Н. Рыленков/.

АСГ третьего уровня образуют рефлексемы слова *лед*: *ледостав*, *полынья*, *продушина*, *майна*, *лунка*, *прорубь*, *коньки*, *каток* и др.: «...наросли ледяные скользкие бугры вокруг *прорубей*... и зимние будни установились» /И. Бунин/, «...его индийское высочество любит прогуливаться у стен Новодевичьего монастыря, где развернуты зимние аттракционы. Тут тебе и *катание на коньках*, и деревянные горы...» /Б. Акунин/, «Я увидал его, лишь только С прудов *зиме* Мигнул *каток*...» /Б. Пастернак/.

Рефлексемами слова *спячка*, образующими АСГ_{II}. Являются названия животных, впадающих зимой в спячку, – *байбак*, *сурок*, *медведь* и др.: «О *зимняя спячка* медведя, Сосуцего пальчики лап!» /Саша Черный/, «**Зимой** деревья впадают в настоящую спячку, как *суслики*, *бурундуки*, *сурки*» /Г. Граубин/.

Таким образом, анализ языкового материала (толковых словарей, литературных текстов) показал, что все вышеперечисленные лексемы, несомненно, представляют концепт *зима*. Такой способ определения языковой составляющей концепта дополняет систему методик его описания, а также подтверждает идею В.А. Масловой о необходимости выявления ассоциативных комплексов слов в качестве основной задачи описания концепта.

Перспективой исследования является описание ассоциативно-семантических групп и ассоциативно-семантических комплексов с другими кауземами.

Литература

1. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистические исследования. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 208 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 264 с.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под. ред. проф. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.
4. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Мн.: Тетра Системс, 2004. – 256 с.
5. Слива Т. В. Лексико-семантическая парадигматика: ассоциативно-семантическая группа // Русский язык и литература. Проблемы изучения и преподавания в Украине. – К., 2006. – С. 83-87.

Слободяк С. И.

О ЛОКАЛИЗАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ТОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вопрос о жанровых особенностях функционирования поэтонимов нередко оказывался в центре внимания исследователей. Однако функционирование поэтонимов рассматривалось, как правило, на материале отдельно взятой жанровой единицы, например, исторической прозы [1], научной фантастики [2], сказок [3] и т. д.

Новизна данного исследования заключается в том, что анализу подвергаются поэтонимы (в данной статье – топонимы) различных жанрово-тематических разновидностей романного жанра. Это дает возможность определить общие и отличительные тенденции в их использовании, что и является целью нашего исследования.

Исходя из поставленной цели, свою задачу в данной работе видим в том, чтобы рассмотреть особенности реализации локализационной функции топонимов в таких жанрово-тематических разновидностях англоязычного романа XX века как военный роман, политический роман, роман бизнеса и роман о художнике.

Основное предназначение топонимов в реальной ономастике – локализация места. Топонимы «всегда территориально локализованы, то есть называют объекты определенной местности» [4, с. 35]. То же можно сказать и о художественном произведении, где использование топонимов в локализационной функции помогает

очертить географические контуры изображаемого художественного пространства, что позволяет добиться эффекта достоверности.

Созданию реального фона для развития сюжета способствует, прежде всего, использование реальных топонимов, которые, являясь частью «объективной ономастики» [5, с. 55], называют действительно существующие географические объекты. Это, как правило, всемирно-известные топонимы, называющие страны и крупнейшие города мира. Большое количество такого рода топонимов встречается в военных романах. Ведь изображение войн, особенно мировых, неизбежно влечет за собой широкое использование реальных топонимов, чем достигается масштабность описываемых событий, а также их правдоподобность:

The States had declared war on Germany but not on Austria. [...] we would probably declare war on Turkey and on Bulgaria? [...] I said yes by God on Bulgaria too and on Japan. But, they said, Japan is an ally of England. [...] The Japanese want Hawaii, I said [6, p. 86].

Данный эпизод представляет собой часть описания прощания раненого Фредерика Генри с друзьями перед его отправкой в американский госпиталь. Все уже в нетрезвом состоянии. Но, как это часто бывает у Хемингуэя, сквозь пьяную болтовню слышен безмолвный голос всего «потерянного поколения». Это голос антивоенного протеста, который имплицитно выражается перечислением шокирующего количества стран, вовлеченных в первую мировую войну.

Пристального внимания заслуживает и следующий топонимический сгусток: *You go away in the morning, baby, Rinaldi said. To Rome, I said. No, to Milan, said the major, to the Crystal Palace, to the Cova, to Campari's, to Biffi's, to the galleria. You lucky boy [6, p. 87].*

Представленные в примере топонимы, казалось бы, ничем не напоминают о тягостной атмосфере войны. Как раз наоборот: раненого лейтенанта Генри отправляют в тыл, туда, где нет войны. Но на душе остается горечь при мысли о том, что стать «счастливчиком» («lucky boy») можно, только получив ранение на фронте.

Немало реальных топонимов встречаем и в романах другой жанрово-тематической направленности, прежде всего в политических романах. Их отличительная черта – наличие противоборствующих лагерей – часто находит ономастическое выражение:

«They want enough rice,» I said. [...] «They don't want our white skins around telling them what they want».

«If Indo-China goes...»

«I know that record. Siam goes. Malaya goes. Indonesia goes. What does «go» mean? If I believed in your God and another life, I'd bet my future harp against your golden crown that in five hundred years there may be no New York or London but they'll be growing paddy in these fields, they'll be carrying their produce to market on long poles wearing their pointed hats.[...]» [7, p. 106].

В вышеприведенном эпизоде топонимический рисунок отражает политическое противостояние между Востоком и Западом. Топонимы Siam, Malaya, Indonesia называют восточные страны, тогда как названия городов New York и London представляют западную цивилизацию, которая пытается навязать им свою волю. Но, по мнению журналиста Фаулера, а в его лице и автора книги Г. Грина, каждый народ является самодостаточным и сам может решать свою судьбу.

Политическим подтекстом обладают и топонимы England, France, America, которые функционируют в «Тихом американце» не только как административные хоронимы, называющие конкретные географические объекты, но и как маркеры данной жанрово-тематической разновидности романа, ибо отражают разную политическую позицию отдельных стран по отношению к Вьетнаму: Англия – позицию невмешательства; Франция – позицию колонизатора, утратившего свое господство в Северном Вьетнаме и развернувшего там захватническую войну; США – позицию «третьей силы» («a Third Force»), стремящейся «навести порядок» во Вьетнаме путем установления там своей диктатуры.

В романах бизнеса топонимы призваны создать атмосферу деловитости и практицизма. Сказанное может быть проиллюстрировано следующим примером:

The Philadelphia into which Frank Algernon Cowperwood was born was a city of two hundred and fifty thousand and more. It was set with handsome parks, notable buildings, and crowded with historic memories [8, p. 25].

Начало повествования с топонима, называющего основное место будущей финансовой деятельности главного героя романа «Финансист» Фрэнка Каупервуда, возводит саму эту деятельность в разряд явлений первостепенной важности. При этом именно численность населения этого города ставится на первое место, а не его красота и историческая значимость, что создает впечатление конкретности и точности описываемых событий.

Обилием топонимического фактажа и сухой, как в бухгалтерских книгах, манерой изложения характеризуется подача исторического фона описываемых событий:

Since his birth in 1837 he had seen the nation reach that physical growth – barring Alaska – which it now possessed. Not so much earlier than his youth Florida had been added to the Union by purchase from Spain; Mexico, after the unjust war of 1848, had ceded Texas and the territory to the West. The boundary dispute between England and the United States in the far Northwest had been finally adjusted [8, p. 109].

Что же касается главного персонажа-бизнесмена Каупервуда, то его финансовый подход ко всему проявляется даже в его отношении к городам, которые он воспринимает исключительно с коммерческой точки зрения, хотя отправляется туда в свадебное путешествие:

They were like two children, billing and cooing, driving, seeing the sights. He was curious to visit the financial sections of both cities. New York and Boston appealed to him as commercially solid [8, p. 83].

В романах о художнике ситуация абсолютно противоположная той, что в романах бизнеса. Здесь все подчинено теме искусства и функционирование реальных топонимов в том числе. Так, описывая празднование 70-летия главного героя-писателя Дриффилда, повествователь романа «Пирог и пиво» отмечает:

There was a rush for Driffield's book in the various libraries and a hundred busy pens, in Bloomsbury, in Chelsea, and in other places where men of letters congregate, wrote appreciations, studies, essays, and works, short and chatty or long and intense, on his novels [9, p. 107].

Использование в данном отрывке реальных топонимов Bloomsbury и Chelsea подразумевает не конкретные географические объекты, а культурные центры Лондона, где живут преимущественно литераторы и художники.

Тематический компонент «искусство» присутствует и в контекстуальном значении топонимов Paris и Louvre, которые стали для молодого Джорджа Уинтерборна из романа «Смерть героя» источником формирования его первых эстетических взглядов:

Then, one spring, George Augustus took him to Paris for a few days. They did an «educative» visit to the Louvre, and George simply leaped at the Italians and became very Pre-Raphaelite and adored the Primitives [10, p. 94].

Использование топонимов в следующем примере из романа Р. Олдингтона помогает увидеть архитектурную специфику современного Лондона: сочетание искусства прошлого и настоящего. Oxford Street, Oxford Circus, Regent Street, Quadrant – это архитектурное лицо старого Лондона, тогда как Piccadilly Hotel является одним из элементов его нового облика:

They were in Oxford Street, rolling past the shuttered shop-fronts.[...] At Oxford Circus they gazed down the old Regent Street with its long lines of café-au-lait Regency houses, broken only at the Quadrant by the new Piccadilly Hotel. «Isn't that like us?» said George. «We have an attempt at town-planning, and, dull as Nash is, at any rate his design is simple and dignified, and then we go and ruin the Quadrant with a horrid would-be-modern hotel».

«But I thought you believed in modernity in art».

«So I do, but I don't believe in mucking up the art of the past if it can be avoided» [10, p. 165].

На первый взгляд, представленные выше реальные топонимы выполняют только локализационную функцию. Но поданный в конце эпизода диалог между Джорджем и Элизабет позволяет расшифровать топонимический подтекст, суть которого заключается в следующем: нельзя уничтожить искусство прошлого даже ради самого современного в настоящем.

Роман «Смерть героя» интересен еще и тем, что здесь тема искусства переплетается с военной тематикой, что тоже отражается на функционировании топонимов. Так, топонимический ряд в следующем примере как нельзя лучше отражает масштабы первой мировой войны и тот ужас, с которым Джордж воспринимает известие о начале войны:

He tried to paint, and couldn't; picked up a book, and found himself thinking: Austria, Russia, Germany, France, England perhaps – good God, it's impossible, impossible! [10, p. 234].

Предвоенный хаос, суматоха и страх царят среди людей. Беспокойные мысли одолевают и Джорджа. Автор выражает это состояние при помощи так называемого «эффекта неприсутствия» [11, с. 39], что можно наблюдать в приведенном ниже примере:

The crowd surged away from Trafalgar Square. George found himself carried towards the Admiralty Arch and up the Mall. He thought he might as well go back that way, and try to get a bus at Victoria. But opposite Buckingham Palace the road was blocked by a huge crowd, which was continually reinforced from all three roads. [...]

«We want King George! We want King George!» chanted the mob. [...]

«We want War! We want war! We want War!» [...] ...

Even then George still clung to hopes of peace, bought only the more pacific Radical papers, and believed that Sir Edward Grey would «do something» [10, p. 239].

Топонимы следуют один за другим, иллюстрируя путь толпы, а вместе с ней и Джорджа, к королевскому дворцу. Однако Джорджа там нет: тело есть, а душа – где-то далеко, витает в мыслях о войне, неизбежность которой ему так тяжело принять. В отличие от других проанализированных нами военных романов, в произведении Олдингтона не только осуждается война как таковая, но и анализируются причины ее возникновения. Обращаясь к истории, автор приходит к выводу о том, что человеческое лицемерие и ханжество, в частности в лице викторианской Англии, являются причиной первой мировой войны и возможности ее разрастания:

It was the regime of Cant before the War which made the Cant during the War so damnably possible and easy. [...] Who made Prussia a great power and subsidized Frederick the Second to do it, thereby snatching an empire from France? England. Who backed up Prussia against Austria, and Bismarck against Napoleon III? England. And whose Cant governed England in the nineteenth century? But never mind this domestic squabble of mine – put it that I mean the Victorians' of all nations [10, p. 242].

Апелляция к морально-этической стороне проблемы, рассмотрение ее с точки зрения героя-художника (т.е. человека искусства в самом широком смысле этого слова) и является, по мнению Н.Д.Бильяк [12, с. 95], основанием для рассмотрения данного произведения не как романа о войне, а как романа о художнике.

Все приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что топонимы художественного произведения помимо «минимальной информации», т.е. локализации места, могут содержать еще и «максимальную информацию» [13, с. 84] определенной жанрово-тематической направленности. Другими словами, топонимы могут обладать жанрово-тематическим подтекстом, который раскрывается не обособленно, а на уровне контекста или даже на уровне всего художественного произведения как жанрово-тематического единства. Следовательно, локализационная функция, в зависимости от жанрово-тематической разновидности романа, может дополняться жанрово-формирующей функцией. Сказанное, прежде всего, относится к так называемым «количественным топонимам» [14, с. 9], которые встречаются в тексте в виде топонимических сгустков и практически всегда содержат приращение дополнительных смыслов ко всей их совокупности.

Источники и литература

1. Грищенко Т. Б. Власні назви як засіб стилетворення в українській історичній прозі другої половини ХХ ст. (на матеріалі романів про Б. Хмельницького): Дис. . . канд. філол. наук: 10. 02. 01. – К., 1998.
2. Карпенко О. Ю. Функції онімії у фантастичному творі: оповідання А. Бестера «Time is the Traitor» // Записки з ономастики: Зб. наук. пр. / Від. ред. Ю. О. Карпенко. – О.: ОДУ, 2001. – Вип. 5. – С. 91-98.
3. Портуліг О. О. Ономастичний простір українських чарівних казок (у зіставленні з російськими казками): Автореф. канд. . . філол. наук: 10. 02. 01. – О.: ОДУ, 2000.
4. Зверев А. Д. Про власні та загальні імена // Мовознавство. – 1976. – № 1. – С. 32-37.
5. Франко З. Т. Ономастика в мові творів Івана Франка // Мовознавство. – 1975. – № 2. – С. 55-66.
6. Hemingway E. A Farewell to Arms. – М., 1976.
7. Greene G. The Quiet American. – М., 1959.
8. Dreiser T. The Financier. – М., 1964.
9. Maugham W. S. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard. – М., 1980.
10. Aldington R. Death of a Hero. – М., 1958.
11. Коренева М. М. Духовний кризис общества и нравственная позиция личности // Литература США XX века. Опыт типологического исследования (Авторская позиция, конфликт, герой). – М., 1978. – С. 12-69.
12. Бильяк Н. Д. Искусство и художник в английском реалистическом романе (1950-1980 гг.) // Литература Англии. XX век. – К., 1987. – С. 90-117.
13. Томахин Г. Д. Топонимы как реалии языка и культуры (на материале географических названий США) // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 84-90.
14. Ирисханова К. М. Функционирование топонимов в художественной литературе: Автореф. дисс. . . канд. філол. наук. – М., 1978.

Смоляк О. А.

ФУНКЦІОНАЛЬНІ КЛАСИ ТА СЛОВОТВІРНІ ТИПИ ІМЕННИКІВ НА ПОЗНАЧЕННЯ ОСІБ ЧОЛОВІЧОЇ СТАТІ ІЗ СУФІКСОМ -ER У СЕРЕДНЬОВЕРХНЬОНІМЕЦЬКІЙ МОВІ

1. Попередні зауваги. Найменування осіб утворюють багату семантичну мікросистему, що посідає значне місце у загальній номінативній системі мови. Тому ця категорія іменників привертає увагу сучасних дослідників [пор.: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Учені аналізують (на матеріалі різних мов) структурні, семантичні та синтаксичні критерії іменників на позначення осіб, проте залишається ряд не достатньо вивчених питань. До них належить у т. ч. фундаментальне дослідження іменників на *-er* на попередніх історичних етапах розвитку німецької мови, зокрема, у середньовісній німецькій (далі – свн.) мові, оскільки назви осіб розглядаються, як правило, імпліцитно, в рамках окремого напрямку дослідження мови [8].

У цьому контексті актуальним здається функціональний і структурний аналіз свн. особових назв, у т.ч. іменників на позначення осіб чоловічої статі (далі – ОЧС), утворених за допомогою суфікса *-er* (1381 лексема, вибрана методом суцільної вибірки із тритомного словника свн. мови М. Лексера [9]). Для досягнення означеної мети, необхідно розв'язати ряд завдань, а саме: встановити частини належності мотивуючої бази означених похідних, проаналізувати іменники залежно від функцій словотворчого форманта, їх морфологічної та семантичної умотивованості.

2. Виникнення і розвиток суфікса *-er*. Коріння *-er* слід шукати у давньому латинському (далі – лат.) суфіксі *-arius*, який скорочується і настільки адаптується в німецькій мові, що вважається тепер генетично німецьким суфіксом. Спочатку виникають його форми *-āri*, *-ære*, пізніше, у свн. мові, – *-er*, що є актуальною формою для сучасної німецької мови.

Активне творення назв осіб чоловічої статі за допомогою *-er* В. Вільманнс [10, с. 285] зумовлює тим, що спочатку у німецьку мову були запозичені лат. найменування на *-āri*, які позначали особу чоловічої статі та походили тільки від іменників. Пізніше значну частину новоутворень склали віддієслівні лексеми. Згодом ця модель стає найбільш продуктивною так само у німецькій мові [10, с. 289].

3. Морфологічна мотивація свн. іменників на *-er*. Визначення напрямку мотивації являє собою невід'ємну частину словотвірного аналізу [11, с. 374]. Дослідження свн. іменників на позначення ОЧС, утворених за допомогою *-er*, призводить до висновку, що абсолютна більшість іменників є умотивованими, тобто, за П.- О. Мюллером [12, с. 44], морфологічно та семантично залежними від іншої лексеми, що визнається їх словотвірною базою. Свн. похідні на позначення ОЧС із суфіксом *-er* утворюються від різних частин мови, а також від словосполучень (див. табл. 1):

Таблиця 1

Частини належності мотивуючих баз іменників на *-er*

Мотивуюча база	Лексеми	
	абс.	%
Дієслово	840	60,97
Словосполучення	301	21,80
Іменник	218	15,64
Дієслово/іменник	11	0,80
Числівник	4	0,29
Прикметник	3	0,22
Іменник/прикметник	2	0,14
Дієслово / прикметник	2	0,14
Разом	1381	100,00

Найбільш чисельну групу (60,97 %) репрезентують віддієслівні іменники, напр.: *maler* 'художник' ← *malen* 'малювати'; *partierer* 'брехун' ← *partieren* 'брехати'; *singer* 'співак' ← *singen* 'співати'. Похідні із словосполученнями як словотвірною базою, утворюють другу групу лексем (21,80 %), напр.: *brôtbecker* 'пекар' ← *brôt backen* 'віпікати хліб'; *riusenmacher* 'оброблювач риби' ← *riusen machen* 'обробляти рибу'; *viurmacher*